

Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. Hrsg. von Helmut Keipert in Verbindung mit Andrea Huterer. Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften in Kommission beim Verlag C.H.Beck Muenchen. Muenchen 2002. 219 S. (= Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen. Neue Folge. Heft 121.)

За последние три десятилетия русистика сделала большой шаг в изучении грамматической традиции русского языка до Ломоносова, развивая дальше научное направление, основы которого положены Б.А.Лариным [1] и Б.О.Унбегауном [2]. Был опубликован ряд грамматик [3], монографий, сборников и статей. Рецензируемая книга вносит новый, существенный вклад в разработку этой важной проблематики. Она содержит исследование и текст рукописной грамматики русского языка “Compendium Grammaticae Russicae”. Работа подготовлена известным славистом, профессором Боннского университета Гельмутом Кайпертом при участии его сотрудницы Андреи Гутерер. Проф. Кайперт давно уже занимается русским лингвистическим наследием XVIII века и является одним из ученых, благодаря которым данное научное направление развивается успешно [4].

Рукопись грамматики обнаружена проф. Кайпертом в Санкт-Петербурге, в Отделе рукописей Библиотеки РАН, где она хранится под шифром F.250. Рукопись неполная. В своем нынешнем виде она состоит из титульного листа, первой части (50 страниц) и второй части (64 страницы). Основной текст грамматики написан на немецком языке, иллюстративные примеры – на русском, кириллицей. Труд, очевидно, готовился к печати и предназначался для иностранцев, изучающих русский язык, о чем свидетельствует его заглавие на титульном листе: “III. Compendium Grammaticae Russicae oder Kurtze Einleitung zu der Russischen Sprache Denen Auslaendern zum Besten ausgegeben”. Рукопись анонимна, не локализована и не датирована.

Рецензируемая книга состоит из 3 разделов: Введение (с. 8 – 127), Текст (с. 129 – 200), Иллюстрации (с. 201 – 219). **Введение** представляет собой монографию, содержащую всестороннее систематическое описание грамматики: кодикологическое описание рукописи (§ 1), результаты работы по ее датировке и локализации (§ 2), по идентификации ее почерков (§ 3) и авторского коллектива (§ 4), по определению ее источников (§ 5), комментариев к ее содержанию (§§ 6, 7). Проблемам датировки, локализации и авторства рукописи проф. Кайперт посвятил долгие годы кропотливой работы [5]. В итоге он предлагает хорошо аргументированные, сделанные с максимальной осторожностью выводы. По его мнению, “Compendium” возник в 1731 г. или несколько раньше, но с идеей быть готовым к изданию в этом году. Во всяком случае, он предшествует другой грамматической работе – “Anfangs – Gruende”, которая, как справедливо предполагает проф. Кайперт, представляет собой сокращенный вариант “Compendium”-а. Над последним в качестве писцов и редакторов работало несколько человек, т.е. труд представляет собой коллективную работу. И не просто коллективную, а иерархически организованную, о чем можно судить по характеру примечаний в рукописи. У коллектива были большие административные возможности и полномочия, что наряду с другими, приведенными Г. Кайпертом фактами, указывает на Санкт-Петербургскую Академию наук как на место создания рукописи. С большой долей вероятности писцом второй части грамматики и

ответственным за труд в целом можно считать Мартина Шванвица, преподавателя немецкого языка в гимназии при Академии наук, что хорошо синхронизируется и с письменным свидетельством 1734 г. о том, что М. Шванвиц написал грамматику русского языка. Среди людей, по-видимому также причастных к изготовлению рукописи, проф. Кайперт называет В.Е. Адодурова, Лаврентия Блюментроста – президента Академии наук (его распоряжения записаны его секретарем Ф. Гмелиным), Й. Шумахера – библиотекаря и административного руководителя Академии, переводчика, большого знатока русского делового языка начала XVIII столетия. В. Адодуров, которому приписывается русская грамматика 1738 – 40 гг., выступал здесь, очевидно, в роли русского консультанта (требование об участии такого лица в проекте выражено специально), но можно согласиться с Г. Кайпертом, что, судя по немногочисленным исправлениям, В. Адодуров был причастен к работе над грамматикой с самого начала. Не ясно, кому принадлежат очень важные, записанные красными чернилами глоссы, выдержанные в духе лингвистических взглядов И. Пауса. Остается и ряд других не идентифицированных членов авторского коллектива, которых проф. Кайперт предлагает искать в кругу опытных русских переводчиков, работавших в 30-ые гг. XVIII в. над изданием “Санкт-Петербургских ведомостей” и “Примечаний” к ним, над русификацией “Teutsche Grammatika“ 1730 г. или подготовкой “Deutsch – Lateinisch- und Russisches Lexicon”. Таким образом, очевидно, в “Compendium”-е можно видеть академический проект грамматики русского языка, реализованный немецко-русским коллективом, и его действительно можно определить как первую академическую грамматику русского языка. Следует обратить внимание на активное участие немцев, в том числе и высокопоставленных деятелей Российской Академии наук, в этом проекте. Если учесть и другие грамматические и лексикографические труды, созданные немцами в России в начале XVIII в., их преподавательскую и научную деятельность, то становится очевидной большая роль немецких выходцев в становлении русской грамматикографии и в развитии русской лингвистики вообще.

С наименьшей тщательностью разработан в рецензируемой монографии и вопрос об источниках “Compendium”-а. Вопрос сложный, поскольку грамматика является оригинальным трудом, а не списком известного уже грамматического сочинения. По мнению проф. Кайперта, с наибольшей надежностью среди ее источников можно назвать петербургскую “Teutsche Grammatika”, изданную в 1730 г. М. Шванвицом в качестве учебника немецкого языка для гимназии при Академии, и грамматику Иоганна Вернера Пауса (Паузе) “Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache” [6]. Первая определила в основных чертах структуру “Compendium”-а, во второй можно видеть основного “поставщика” его русского лингвистического материала. Авторы “Compendium”-а использовали и другие грамматические работы, по меньшей мере латинскую “Grammatika Marchica” – один из популярнейших в XVIII в. в Германии учебников латинского языка, введенный в конце 20-ых годов XVIII столетия и в петербургскую гимназию при Академии наук, и “Grammatica Russica” Г. Лудольфа 1696 г. Вероятно, среди источников были и польские грамматики – знакомство с ними чувствуется в терминологии. Польский язык присутствует также в “Орфографии” наряду с немецким и французским как язык сопоставления, может быть потому, что Шванвиц хорошо его знал. Выводы проф. Кайперта об источниках “Compendium”-а заслуживают большого внимания, потому что доказанная им ориентация рукописи на цитированные выше грамматики противоречит укоренившемуся в науке представлению о том, что русская грамматикография до Ломоносова базируется прежде всего на церковнославянской традиции. Конечно, считает проф. Кайперт, церковнославянские грамматики не могут быть оставлены без внимания, в особенности грамматика М.Смотрицкого и учебник Максимова 1723 г., но они оказывали влияние

скорее не прямым образом, а через посредство других источников, одним из которых в нашем случае безусловно была грамматика Пауса.

Иллюстрирующий материал в “Compendium”-е взят частью из других грамматических сочинений, частью из выпусков газеты “Ведомости” в период около 1730 г. Учтен и деловой язык того времени. В связи с ориентацией кодификаторов на язык “Ведомостей” проф. Кайперт ставит очень важный вопрос: в какой степени “Compendium” путем систематического отбора придает нормативность языковым фактам в “Ведомостях”, пропуская их, конечно, через фильтр существующей вариативности? Иными словами, в какой степени язык “Ведомостей” воспринимался авторами “Compendium”-а как образцовый? Чтобы ответить на этот вопрос, следует изучить язык газеты с точки зрения развития нормы литературного языка. Этот и многие другие вопросы, поставленные в рецензируемой монографии, раскрывают перспективы для новых исследований, и этим она особенно ценна.

“Compendium” вырастает из предшествующих ему грамматических трудов, но и сам оказывает влияние на последующее развитие русской грамматикографии. По всему видно, что он является важнейшим источником для “Anfangs-Gruende der Russischen Sprache / Первые начала русского языка” 1731 г. – первой русской грамматики, напечатанной в России и вышедшей в качестве приложения к Лексикону Вейсмана. Следы “Compendium”-а, причем в немалом количестве случаев, заметны в написанной на русском языке русской грамматике 1738 – 40 гг. и далее в грамматике Гренинга. Этот факт, со своей стороны, ставит снова вопрос о текстологии последних трудов. Грамматическая традиция с начала XVIII в., оформленная, по проф. Кайперту, в основном И. Паузе и *Teutsche Grammatika*, чувствуется даже у Ломоносова, а это наводит на мысль, что Ломоносов, вероятно, был лучше знаком с произведениями своих предшественников, чем это до сих пор предполагалось (с. 120 книги).

Основное место в монографической части книги занимает комментарий к тексту грамматики (с. 41-118). Он имеет целью раскрыть отношение “Compendium”-а к его источникам, показать процесс “заимствования”. Вместе с тем последовательно указывается на воспринятые дальнейшей грамматической традицией решения и в особенности на те из них, которые нашли отражение в “Anfangs-Gruende”, в грамматике Адодурова 1738 – 40 гг. и в ее шведском переводе у Гренинга. Таким образом, “Compendium” представлен в потоке движения грамматической мысли как момент этого движения. Комментарий чрезвычайно детален и информативен. Тщательный разбор всех пунктов грамматики рисует пеструю картину терминологической и лингвистической интерпретации фактов русского языка в доломоносовских грамматиках, богатства речевых и языковых практик, влияния разных грамматических традиций, и в первую очередь латинской, на русскую. Углубленный анализ, сделанный проф. Кайпертом, проливает свет на сложный процесс нормализации русского литературного языка того периода, на его факторы и принципы, на конфликтность и преемственность мнений. Один из важных аспектов кодификации в “Compendium”-е проявляет себя в сознательной и целенаправленной русификации (*zielstrebig bewusste Russifizierung* – с. 119 книги) объекта лингвистического описания. Лингвистический материал из “славяно-русской грамматики” Пауса использован выборочно, церковнославянские слова и формы устранены. Этот подход был облегчен в значительной степени уже существующей в последней грамматике оппозиции церковнославянское – русское, которую сам Паус расширил за счет включения в нее новых языковых явлений [7].

Второй раздел книги содержит текст “Compendium”-а. Воспроизведение текста сделано исключительно аккуратно, с максимальной передачей особенностей оригинала. Как уже было отмечено, рукопись грамматики не полная и имеет только две части:

орфографию (с. 1-50) и этимологию (с. 1-64, не закончена). Две остальные, выделяемые по традиции, части (синтаксис и просодия) отсутствуют. Грамматика написана на немецком языке. Везде русский материал дается и в переводе на немецкий язык, нередко приводятся параллели и из других языков. Во многих случаях отмечаются различия между церковнославянским и русским языками.

В “Орфографии” представлены буквы русского алфавита и их названия в немецкой, польской и французской транслитерациях. Далее следует описание звучания отдельных букв и фонетической системы русского языка. Специальное внимание уделено группам согласных, двойным согласным и чередованию согласных, т.е. явлениям, с которыми могут быть связаны трудности при усвоении иностранцами русского языка. За общим изложением орфографии следуют 4 главы: Об орфографии вообще (употребление прописных букв, передача иностранных слов, числовое значение кириллических букв и т.д.), Об орфографии в частности (паронимы), О знаках препинания, О сокращениях.

От второй части рукописи (“Этимология”) сохранились 4 главы: Об этимологии вообще, Об именах, местоимениях и причастиях, Об именах, О склонении. В первой главе восемь частей речи рассмотрены с точки зрения их изменяемости/неизменяемости, с точки зрения их вида (Species) и начертания (Figura), т.е. словообразовательного и морфологического состава, с точки зрения аналогии (регулярности их изменения), аномалии (нерегулярности их изменения) и числа. Во второй главе представлены категории рода, падежа и склонения. При этом выделено 7 родов (мужской, женский, средний, общий, всякий, недоуменный и преобщий) и 7 падежей (именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный, сказательный). В третьей главе рассмотрены имена – существительные и прилагательные. Больше внимания уделено прилагательным. Специально отмечена предикативная функция кратких форм прилагательных. Подробно изложен вопрос о степенях сравнения с указанием на возможные чередования согласных. В четвертой главе даны основные правила склонения существительных и прилагательных. Выделено 5 типов склонений – 4 для существительных и 1 для прилагательных. Представлены парадигмы субстантивных типов. Любопытно, что при этом указана и принадлежность иностранных слов к каждому типу.

Глоссы на полях рукописи воспроизведены издателями “Compendium”-а в сносках. Чрезвычайно интересно проследить за ними, особенно в случаях, когда они “спорят” с основным текстом. Например, на полях страниц 22-24 есть красная глосса, в которой выражено несогласие с утверждением основного текста, что прилагательные в русском языке имеют три степени сравнения. В глоссе разъясняется, что русские прилагательные в отличие от церковнославянских не имеют сравнительной степени, но зато располагают тремя и даже более способами выражения превосходной степени. Сравнение в русском языке выражается сравнительной степенью наречий (с. 178 книги). Эта интерпретация “заимствована” далее в “Anfangs – Gruende”, присутствует в грамматике Гренинга и сказалась в “Российской грамматике” Ломоносова (с. 92 книги, сноска 124).

В конце рецензируемой книги приложено 15 фотокопий разных листов грамматики. Благодаря им можно получить непосредственное впечатление о рукописи, о многообразии почерков в ней, о способе работы авторского коллектива, о сложности ее исследования.

Издание “Compendium”-а восполняет один из пробелов в наших представлениях о доломоносовской русистике и в некотором отношении корректирует существующий на нее взгляд. Критическое прочтение текста грамматики, выявление ее источников и ее влияния на последующую традицию показало, что грамматические труды по

русскому языку до Ломоносова времени взаимосвязаны и в их цепочке “Compendium”-у принадлежит центральная роль. Проф. Кайперт проделал действительно огромную работу и с помощью своей сотрудницы А. Гутерер дал в руки русистам прекрасно изданный очень ценный источник истории русской грамматической мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Генрих Вильгельм Лудольф*. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б.А. Ларина. Л., 1937 (Материалы и исследования по истории русского языка, 1).

2. *В.О. Unbegaun*. Russian Grammars before Lomonosov // Oxford Slavonic Papers, VIII, 1958; *Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatika Russica*. Oxonii A. D. MDCXCVI. Ed. By V. O. Unbegaun. Oxford, 1959; *Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts*. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung von V. O. Unbegaun. Muenchen, 1969 (= Slavische Propylaeen. Bd. 55).

3. *Б.А. Успенский*. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики. М.: Наука, 1975 (опубликована грамматика В. Адодурова 1738 – 1740 гг.); *Weismanns Petersburger Lexicon von 1731*. Nachdruck von B. Scholz, G. Freidhof u.a. Teil I – II. Muenchen 1982 – 1983, Teil III: *Grammatischer Anhang*. Muenchen 1983; *J. Sohler*. Grammaire et Methode Russes et Françaises. 1724. Факсимильное издание под редакцией и с предисловием Б.А. Успенского. 1-2. Muenchen, 1987; *L.Đurovič, A. Sjöberg*. Древнейший источник парадигматики современного русского литературного языка // *Russian Linguistics*, 1987, Vol. XI, 2-3, 255-287 (опубликован небольшой отрывок печатной русской грамматики, хранящийся в стокгольмском Государственном архиве под шифром Extranea 157:6,38); *Johann Ernst Glueck*. Grammatik der russischen Sprache (1704); Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von Helmut Keipert, Boris Uspenskij und Viktor Zivov. Boehrlau Verlag Koeln/Weimar/Wien, 1994 (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. N. F. Bd. 5 /20/); *A Dictionary of the Vulgar Russe Tongue*. Attributed to Mark Ridley. Edited from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introduction by G. Stone. Boehrlau Verlag, Koeln/Weimar/Wien, 1996 (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B. N.F. Bd. 8) [здесь в качестве введения к словарю дано краткое описание русского языка]; *Ф. Поликарпов*. Технология. Искусство грамматики. Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб., 2000; *Grammatica Russica Hamburgensis*. Kommentierte Edition der Handschrift Cod. Slav. 9 der Staats- und Universitaetsbibliothek Hamburg. Herausgegeben und kommentiert von M. Schmuecker-Breloer. Koeln/Weimar/Wien, 2001.

Наряду с грамматиками русского языка активно издаются и переиздаются и другие грамматические труды, бытующие на Руси и в России до середины XVIII в., а также ранние словари русского языка.

4. Г. Кайперт автор многих статей, посвященных вопросам русской языковой теории и практики XVIII – XIX вв. Им переизданы словарь Ф. Поликарпова (*Ф. Поликарпов*. Лексикон трехязычный. *Dictionarium trilingue*. Москва, 1704. Nachdruck und Einleitung von H. Keipert. Muenchen, 1988) и грамматика Глюка (вместе с Б.А.Успенским и В. Живовым – см. примечание 3). По его инициативе и при активном его участии обработан для печати текст грамматики И. Пауса.

5. Работу над нею проф. Кайперт начал в 1988 г. Его предварительные наблюдения опубликованы в: *H. Keipert*. Русская грамматика Мартина Шванвица 1731

г. (Предварительные замечания о рукописи БАН F. N. 250) // Доломоносковский период русского литературного языка. Материалы конференции на Фагеруде, 20 – 25 мая 1989 г. Stockholm, 1992, 213-234.

6. Рукопись не опубликована. Хранится в Отделе рукописей библиотеки РАН в Собрании иностранных рукописей под шифром Q 192/I. Ее полное название “Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache. Zum Nutzen sonderlich der Teutschen Nation aufgesetzt“ (1705 – 1729).

7. Подробнее об этой оппозиции в грамматике Пауса см. в: *В. Живов, Г. Кайперт*. О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского // Вопросы языкознания. 1996. № 6, с. 3-30.

доц. д-р Цветана Ралева